

КАТЕГОРИЯ НЕГАЦИИ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ ВЫРАЖЕНИЯ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

© 2016

Г.Ф. Гаврилова, доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
И.В. Ковтуненко, кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону (Россия)

Ключевые слова: синтаксический уровень языка; негация; ирреальная модальность; лексиколизованные языковые средства; сложное предложение; структурно-семантическая и функциональная корреляция и дифференциация.

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам выражения категории негации в сложном предложении в русской и французской грамматиках. В статье представлено традиционное описание категории негации, т. е. она рассматривается только в плане ее лексико-грамматического выражения с помощью частицы «не» или слова «нет». Обычно так узко она понимается и при анализе сложного предложения, в частности сложноподчиненного предложения. В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения обстоятельственной семантики, в которых наиболее полно (наряду с частицей «не») представлено взаимодействие категории негации с категорией ирреальности, при выражении ее с помощью частицы «бы». В простом предложении наличие двух частиц «не» и «бы» не только является выразителем ирреальной модальности, но и одновременно передает семантику отрицания, которая нейтрализует действие отрицательной частицы «не». Также семантика отрицания иногда может быть выражена и лексиколизованными языковыми средствами, такими как «сомнительно», «сомневаюсь», «не уверен» и т. п. Показано, что подобные явления можно наблюдать и во французских предложениях. Следовательно, можно говорить о структурно-семантических и функциональных корреляциях и дифференциациях на уровне синтаксиса в русском и французском языках, которые отражают универсальность синтаксических отношений в обоих языках. Проведенный анализ показал, что средства выражения семантики категории негации в сложном предложении отличаются от средств ее репрезентации в простом предложении. По результатам проведенного исследования можно сделать заключение о том, что значение негации настолько сильно, что обычно выступает в качестве итеративной семы, спаивающей главную и придаточную части в единое целое – сложноподчиненное предложение, что является характерным для обоих языков.

Проблема взаимосвязи категории негации с другими семантико-грамматическими категориями привлекала и привлекает внимание лингвистов.

Понятие семантики категории негации (отрицания) обычно формулируется следующим образом: «...отрицание – элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связи между некоторыми явлениями, о которых говорится в предложении» [1, с. 154].

Пражские лингвисты считают, что категория негации – одна из разновидностей категории модальности наряду с категорией реальности/ирреальности, что положительные (утвердительные) и отрицательные предложения различаются по оценке реальности содержания [2, с. 814].

Однако, приняв данную точку зрения, следует отметить, что предложения с ирреальной модальностью всегда передают желаемое или возможное событие, а следовательно, отсутствующее в реальной действительности, т. е. категория негации оказывается по своему проявлению в сфере категории модальности, хотя в данном случае модальность ирреальности (возможности, желательности) сочетается с семантикой отсутствия факта (в данное время, при определенных условиях). Негация, выражаемая посредством сослагательного наклонения, позволяет сделать вывод о возможности включения модальности ирреальности (при известном употреблении предложения с такой модальностью) в сферу категории негации, в частности, при наличии ирреальной модальности в сложноподчиненном предложении (далее – СПП). Так, например, в изъяснительных СПП

отрицательная семантика главной части, выраженная частицей «не», согласуется иногда с той же отрицательной семантикой ирреальной конструкции, выраженной союзом «чтобы»: «*Я не верю, чтобы эти большевики так вдруг исчезли*» (А. Толстой «Хождение по мукам»). В тех случаях, когда в главной части отсутствует частица «не», в придаточной части невозможен союз «чтобы», так как при его наличии исчезло бы согласование семантики главной части с семантикой придаточной; сравним: «*Я верю, что эти большевики так вдруг исчезнут*».

Показатели отрицательной семантики характерны и для образованных по устойчивой схеме определительно-качественных предложений, где в главной части налицо частица «не» («нет»), а в придаточной – частица «бы» + союзное слово «который», сравним: «*Не было в библиотеке книги, которую бы он не прочитал*» = «*Все книги он прочитал*». При этом создается эффект погашения отрицания отрицанием. Сравним: «*Не было ни одной книги, которую бы он прочитал*» = «*Ни одной книги он не прочитал*». Другой пример: «*Нет в природе той тайны, которая могла бы поставить его в тупик*» (А. Чехов «День за городом») = «*Ни одна тайна природы не поставила бы его в тупик*».

Иногда отрицание в главной части может быть выражено и эксплицитно, с помощью вопросительной конструкции, например: «*Разве они могут выдвинуть условия, которые заставили бы нас пойти на соглашение?*» (А. Толстой «Хождение по мукам») = «*Никакие их условия не могут заставить нас пойти на соглашение*».

В таких определительных предложениях особенно ярко негация проявляется при слове «нет» в главной части, например: «*Нет девушки, которая бы нравилась ему*» = «*Ни одна девушка не нравится ему*».

Все это свидетельствует о том, что категория негации не должна рассматриваться только в плане ее лексико-грамматического выражения с помощью частицы «не» или слова «нет». К сожалению, эта категория обычно так узко понимается и при анализе сложноподчиненного предложения [3, с. 13–14].

В сложноподчиненных предложениях, где обязательным элементом является частица «бы» (при союзе соответствующей семантики), негативное значение конструкции может выражаться с помощью этой частицы, т. е. морфологически.

При исследовании сложноподчиненных предложений обстоятельственной семантики оказывается, что наиболее полно (наряду с частицей «не») в них представлено взаимодействие категории негации с категорией ирреальности, при выражении ее с помощью частицы «бы». В частности, в предложениях ирреального условия союз «если бы», когда реальный факт ориентирован в прошлое (соотносится с планом прошедшего времени), частица «бы» выражает отсутствие действия в реальной действительности, т. е. в таком случае в плане семантики части сложноподчиненного предложения выражают одновременно согласование их как в плане гипотетической модальности, так и в плане негации. В связи с этим можно считать справедливой мысль о том, что в условных предложениях частица «бы» вносит значение отсутствующего действия [4, с. 69]. Обращенность же ирреального действия в прошлое свидетельствует о том, что возможные, желаемые действия просто не осуществились, т. е. отсутствуют [5, с. 170].

Например: «*Если бы он, Иван Ильич, сделал еще одно усилие, все бы изменилось*» (А. Толстой «Хождение по мукам»). Налицо ориентация на отсутствие описанных в СПП событий, сравним: «*Он (Иван Ильич) не сделал еще одного усилия, и поэтому ничего не изменилось*». При наличии же отрицаний в придаточной части в подобном предложении происходит отрицание отрицанием: «*Если бы Иван Ильич не сделал еще одного усилия, ничего бы не изменилось*» = «*Иван Ильич сделал еще одно усилие, и все изменилось*». О том, что такое погашение присутствует в каждой из предикативных частей СПП, свидетельствует возможность такого же явления в простом предложении, например: «*В присутствии отца он не сказал бы этого*» (т. е. «*В отсутствие отца он сказал...*»), где налицо две частицы, выражающие отрицание, – «не» и «бы». Данный факт лишь раз подтверждает то, что частица «бы» в обеих частях условно-ирреального СПП не только является выразителем ирреальной модальности, но и одновременно передает семантику отрицания, которая нейтрализует действие отрицательной частицы «не».

Интересно, что при обращенности действий условного предложения в будущее и наличии частицы «бы» семантика отрицания отсутствует: «*Если бы он завтра приехал, мы бы с ним поговорили*» – событие желательно и, следовательно, не существует в настоящем. Сильнее отрицания в таком предложении семантика модальности ирреальности (возможности, желательности).

В таких предложениях при наличии частиц «бы» и «не» иногда погашение отрицания происходит только в придаточной части: «*Если бы завтра не пришли гости, я бы не выходила из дома*». Негация в таких придаточных предложениях погашается с помощью частицы «не» и частицы «бы». В главном же предложении действие лишь желательно [6, с. 50].

Широко распространены в современном русском языке конструкции с однородными придаточными причинами. В них отрицаемая говорящим предполагаемая причина противопоставляется причине реальной. В конце XVIII и начале XIX века такие СПП строились по схеме «не потому чтобы, а потому что...». Однако, вероятно, в результате избыточности – выражения отрицания частицей «не» + союзом «чтобы» (с частицей ирреальности «бы») – союз «чтобы» вытесняется союзом «что», и такие предложения в современном русском языке в основном строятся по схеме «не потому что, а потому что»: «*По необходимости этим людям приходилось отказываться от личного, и вовсе не потому, что они были аскетами, а потому, что этого требовала обстановка*» (В. Озеров «Александр Фадеев»).

Значение негации может быть выражено также в ирреально-сравнительных предложениях с союзами «будто», «словно», «точно», «как будто»:

1) «*Около изб не было видно ни людей, ни деревьев, ни теней, точно поселок задохнулся в горячем воздухе и вымер*» (А. Чехов «Степь», II) – ситуация, описанная в придаточной части, существует только в воображении псевдоавтора, девятилетнего мальчика, но ее нет в реальной действительности; 2) «*Он (подводчик. – Г.Г.) держался прямо, как будто маршировал или проглотил аршин...*» (А. Чехов «Степь», II) – союз в придаточной части передает отсутствие воображаемых действий в реальной действительности.

При наличии отрицания «не» происходит погашение его семантики за счет присутствия в придаточной части союза ирреального сравнения: 1) «*Мать была спокойна и весела, будто не было бессонной ночи у постели больного*» = «*бессонная ночь была*»; 2) «*Солнце сияло, было тепло, как будто и не было ночной грозы*» (И. Бунин «Деревня»). Таким образом, союз, его наличие, свидетельствует о семантике предложения. Союз – показатель отсутствия в реальной действительности события, представленного в придаточной части. И это вполне естественно, так как ирреально-сравнительные конструкции в придаточной части выражают воображаемое, метафорически представленное событие. То есть происходит погашение отрицания отрицанием, так как союзы ирреального сравнения имплицитно выражают отсутствие ситуации, которая представлена в присоединяемой ими придаточной части с отрицательной семантикой, сравним: «*Вся трава была мокрой от росы, словно ночью шел дождь*», где ситуация, описанная в придаточном предложении, существует только в воображении автора высказывания. Еще пример: «*Самсонов ответил по-русски, будто говорил о надоевшей погоде*» (Ю. Бондарев «Берег»).

Эти союзы М.И. Черемисина относит к группе модально-сравнительных союзов, связанных с выражением «вымышленной» ситуации, следовательно, не существующей в реальности [7, с. 100].

Иногда показатель грамматического отрицания «не» входит в состав подчинительного союза. Таков временной союз «пока не». СПП, в которых он употребляется, выражают предел временной длительности действия, репрезентированного глаголом несовершенного вида в главной части. В придаточной части предикат выражен глаголом совершенного вида, например:

«И там гуляет на просторе,
Пока недремлющий брежет

Не прозвонит ему обед» (А. Пушкин «Евгений Онегин»).

В академической «Русской грамматике» подчеркивается, что частица «не» в составе этого союза «не имеет отрицательного значения» [8, с. 550]. Однако это утверждение, на наш взгляд, несколько не соответствует действительному положению дел. Судя по приведенному выше предложению, отрицание в таком случае выражено по отношению к содержанию главной части и равняется высказыванию: «*Не гулял после звонка брегета*» – действие семантики «не» распространяется на главную часть, ее содержание. Сравним: «*Он работал над своей дипломной, пока не пришел отец*» = «*Он не работал над дипломной после прихода отца*», т. е. отрицание «не» фактически направлено ретроспективно, в предшествующую его употреблению предикативную часть, что сближает данную конструкцию с предложениями, организованными по устойчивой схеме.

В ряде фразеологически связанных СПП в главной части обязательно присутствует отрицание, а в придаточной – союзы «чтобы», «если бы» ирреальной модальности, также выражающие негативное значение, например: 1) «*Я не так глупа, чтобы ревновать*» (Л. Толстой «Война и мир»); 2) «*Другое было бы дело, если бы у меня была красивая, интересная жизнь*» (А. Чехов «Крыжовник»). «*Не было дня, чтобы он не звонил матери*» = «*Он каждый день звонил матери*» – происходит погашение отрицания за счет отрицания, выраженного частицей «бы».

Другой пример: «*И еще не было случая, чтобы вражеская конница не могла выдержать такую атаку*» (А. Толстой «Хождение по мукам») = «*Никогда вражеская конница не могла выдержать такую атаку*». Подобные последнему предложению СПП равны простым предложениям с отрицанием, усиленным наречием «никогда».

Семантика отрицания может быть выражена иногда и лексиколизированными языковыми средствами, в частности, такими опорными словами в главной части изъяснительного СПП, как «сомнительно», «сомневаюсь» и т. п. Например: «*Сомневаюсь, чтобы в ваших словах была правда*» (Л. Толстой «Война и мир»). При появлении отрицания в главной части происходит отрицание отрицанием и переход высказывания из сферы негативных в позитивные с союзом «что»: «*Не сомневаюсь, что в ваших словах есть правда*». В первом же предложении лексема «сомневаюсь» синонимична сочетанию с частицей «не»: «не думаю», «не уверен».

Наличие структурно-семантических и функциональных корреляций и дифференциаций на уровне синтаксиса в русском и французском языках отражает универсальность синтаксических отношений в обоих языках. Следовательно, система грамматических отношений в русском и французском языках с точки зрения

состава может быть рассмотрена как совпадающая [9, с. 75]. Во французской грамматике предложения с условными придаточными образуются по нескольким моделям. Традиционно эти модели предполагают в своем составе наличие союза “si” («если»), который «выражает условие», что является его «первичной семантической функцией» [10, с. 279]. Также в соответствующих случаях в таких предложениях появляется значение, аналогичное русской ирреальной частице «бы», которая не имеет морфологического выражения во французском языке. В связи с тем, что условное наклонение употребляется, когда речь идет об информации предполагаемого содержания, передаче гипотетического, возможного действия, подтверждается мысль о том, что в условных предложениях во французском языке частица, соответствующая «бы» в русском языке, вносит «значение предполагаемого действия («если бы»)» [11, с. 230]. Например: “*Finalemant, je l'aurais peut-être eu mon baccalauréat, si je n'avais pas eu le tort d'être juif aux épreuves de juin 1941*” (Levy Marc “Les enfants de la liberté”) – «*В конце концов, возможно, я был бы бакалавром, если бы я не попал под испытания, выпавшие на долю евреев в июне 1941*» (перевод наш. – И.К.). Сравним: «*Если бы не испытания, выпавшие на долю евреев в июне 1941, возможно, я стал бы бакалавром*» = «*При отсутствии испытаний, выпавших на долю евреев в июне 1941, я стал бы бакалавром*» – в данном случае в соответствующем русскому тексту предложении происходит аналогичное погашение отрицания отрицанием, которому соответствуют и частица «не», и частица «бы».

Во французских текстах мы можем наблюдать явление, аналогичное происходящему в русских сложноподчиненных предложениях; так, например, при обращенности действий условного предложения в будущее и наличии частицы семантика отрицания отсутствует, например: “*Si j'avais pu en parler à Boris, il m'aurait probablement rappelé que l'ennemi en question appartenait à une armée qui ne se posait aucune question, quand elle tirait dans la nuque des enfants, quand elle mitraillait des gamins aux coins de nos rues, et encore moins quand elle exterminait sans compter dans les camps de la mort*” – «*Если бы я могла поговорить с Борисом, он бы, вероятно, напомнил, что скользкий вопрос принадлежал армии, у которой не возникало никаких вопросов, когда они стреляли в затылок детей, когда она обстреливали из пулеметов мальчишек на углах наших улиц, и еще меньше, когда она истребляла несчетное количество в лагерях смерти*» (перевод наш. – И.К.). В предложении на французском языке негация выражена только частицей «не», так как условное наклонение передается только при помощи окончаний глагола. Однако, как и в русском варианте, погашения отрицания не происходит. В предложении усиливается семантика модальности ирреальности. В.Г. Гак и Е.Б. Ройзенблит, говоря о структурных и коммуникативных сходствах и расхождениях, отмечают: «Синтаксический комплекс с гипотаксисом, включающий специализированное предложение условия», является эквивалентной структурой для обоих языков [12, с. 285].

Во французском языке, так же как и в русском, значение негации может быть выражено и в ирреально-сравнительных предложениях с союзами «будто»,

«словно», «точно», «как будто», «как если бы», например: 1) *“Parfois l'appel est bref, comme si l'on m'avait raccroché au nez; parfois il se prolonge, comme si l'on m'écoutait avec une curiosité coupable”* (M. Houellebecq *“La possibilité d'une île”*) – *«Иногда звонок был короткий, как если бы я повесил трубку в нос, иногда он продолжался, как если бы слушал меня с виноватым любопытством»* (перевод наш. – И.К.); 2) *“Elle éclata de rire, comme si j'avais dit quelque chose de ridicule”* (A. Nothomb *“Antéchrista”*) – *«Она рассмеялась, как будто я сказал что-то смешное»* (перевод наш. – И.К.). В анализируемых предложениях, взятых из текстов современных французских писателей, так же как и в предложениях из русских текстов, в придаточной части союза «как если бы» и «как будто» передают отсутствие воображаемых действий в реальной действительности. М.С. Ивашова в своей статье «Способы и средства выражения сравнительного значения (русский язык в сопоставлении с французским)» отмечает, что синтаксические средства выражения компаративного значения получили одинаково широкое распространение в обоих языках [13, с. 82].

При наличии отрицания «не» происходит погашение его семантики за счет присутствия в придаточной части союза ирреального сравнения: 1) *“Emile est calme, il arbore un drôle de sourire, comme si plus rien n'avait d'importance”* (Levy Marc *“Les enfants de la liberté”*) – *«Эмиль спокоен, он выставляет напоказ забавную улыбку, словно ничего больше не имело значения»* (перевод наш. – И.К.) = *«В жизни Эмиля происходили значимые события»*; 2) *“Parmi les choses qui m'énervaient chez elle, il y avait cette façon de débiter de phrases qui tombaient sous le sens et de les terminer par “tu comprends?”, comme si l'interlocuteur n'allait pas saisir la subtilité de son discours”* (A. Nothomb *“Antéchrista”*) – *«Среди вещей, которые меня в ней раздражали, была манера выпаливать фразы, которые были вполне очевидными и заканчивались вопросом: “Ты понимаешь?”, как будто собеседник не уловил бы тонкости ее речи»* (перевод наш. – И.К.) = *«Собеседник вполне мог уловить смысл ее высказываний»*. Таким образом, союз, его наличие, свидетельствует о семантике предложения. Союз – показатель отсутствия события, представленного в придаточной части, в реальной действительности.

Во французской грамматике отрицание предполагает наличие при глаголе двух частиц *“ne ... pas”*, что по структуре отличает его от отрицания в русском языке. Однако в некоторых случаях «при глаголах *savoir* (знать), *rouvoir* (мочь), *oser* (осмеливаться) вторая отрицательная частица *“pas”* иногда опускается...» [14, с. 374]. Также *“pas”* не употребляется при глаголе, «если в предложении отрицательное наречие или местоимение находится до глагола» или в случае, когда «...отрицание при глаголе выражено союзом *“ni”*...» [15, с. 220]. Л.И. Илия отмечает, что «простые союзы подчинения *“que”* и *“si”* дополняются в различных контекстах в выражении конкретных отношений большим числом «союзных оборотов», образуемых присоединением к союзу *“que”* предлогов, наречий, причастий, существительных, местоимений» [16, с. 105]. Однако сочетания отрицания с подчинительными союзами *“pendant que”*, *“tandis que”*, *“tant que”*, которые соответствуют русскому союзу «пока», надо отметить, во

французских текстах современных писателей встречаются крайне редко. Опираясь на тот факт, что во французской грамматике не описана семантика сочетаний подобного рода, сделать вывод на основе частотности употребления и специфики перевода не представляется возможным. Однако сам факт низкой частотности в употреблении подобных сочетаний свидетельствует о том, что для современных французских писателей нехарактерно использование отрицания с этими подчинительными союзами.

Во французской грамматике вопрос о взаимоотношениях между единицами языка разных уровней – морфологического, синтаксического и семантического – был поставлен еще Ш. Балли [17, с. 40–41]. Так, семантика отрицания может быть во французском языке иногда выражена и лексикологизованными языковыми средствами, в частности, такими опорными словами в главной части, как «сомнительно», «сомневаюсь», «не уверен» и т. п. Например: *“À l'heure qu'il est, je doute que les communications allemandes soient rétablies avant un bon moment”* (Levy Marc *“Les enfants de la liberté”*) – *«На данный момент я сомневаюсь, что немецкие коммуникации будут восстановлены в ближайшее время»* (перевод наш. – И.К.). В анализируемом предложении в качестве лексикологизованного языкового средства выступает глагол *“douter”* (сомневаться).

Таким образом, анализ показал, что средства выражения семантики категории негации в СПП отличаются от средств ее репрезентации в простом предложении тем, что здесь для этого используются подчинительные союзы, функции которых синкретичны: связующие главную и придаточную части, выражающие модальные значения, значения негации. При этом значение негации настолько сильно, что обычно выступает в качестве итеративной семы, спаивающей главную и придаточную части в единое целое – сложноподчиненное предложение. По мнению В.Г. Гака, «в итеративной функции может оказаться любая сема» [18, с. 376], в том числе и со значением негации. Известно, что «итеративность сем не только служит семантическому единству частей СПП, но является основой формирования синтаксического единства – СПП определенной структурно-семантической разновидности...». [19, с. 82]. То есть исследование средств выражения негации в разных языках является важным шагом на пути изучения семантики и структуры типов и разновидностей СПП во всем их разнообразии. Проведенный анализ показывает, что одно и то же содержание может выражаться в различных грамматических формах как внутри одного языка, так и в межъязыковом плане. Еще Л. Теньер в 1959 году в своей работе *“Eléments de syntaxe structurale”* выдвинул тезис о независимости структурного и семантического в языке [20, с. 459]. Кроме того, изучение СПП в данном аспекте раскрывает взаимодействие в языке и речи разных функционально-семантических категорий, в частности, организующую связь модальной категории ирреальности с категорией негации, наблюдаемую как в русском, так и во французском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

2. Barnetova V., Běličová-Křížková H., Leška O. Русская грамматика. Т. 2. Praha: Akademia, 1979. 1093 с.
3. Жигалин Н.С. Отрицание в структурной организации сложноподчиненного предложения : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972. 24 с.
4. Гулыга Е.Б. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения // Филологические науки. Научные доклады Высшей школы. 1976. № 1. С. 67–75.
5. Гаврилова Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов н/Д.: Юнибук, 2015. 412 с.
6. Рагозина И.Ф. Контрфактическое объяснение в ирреально-условном предложении (на материале русского и французского языков) // Вопросы языкознания. 2010. № 1. С. 46–60.
7. Черемисина М.И. Теоретические проблемы синтаксиса и лексикологии языков разных систем. Новосибирск: Наука, 2004. 896 с.
8. Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980. 709 с.
9. Ковтуненко И.В. Феномен сочинения и подчинения в русской и французской грамматике // Русский язык за рубежом. 2014. № 1. С. 70–76.
10. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Высшая школа, 1978. 304 с.
11. Мурадова Л.А. Грамматика французского языка. М.: Айрис-пресс, 1997. 246 с.
12. Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М.: Высшая школа, 1965. 377 с.
13. Ивашова М.С. Способы и средства выражения сравнительного значения (русский язык в сопоставлении с французским) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 3. С. 77–83.
14. Може Г. Практическая грамматика французского языка. СПб.: Лань, 1996. 432 с.
15. Илия Л.И. Грамматика французского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1964. 304 с.
16. Илия Л.И. Очерки по грамматике современного французского языка. М.: Высшая школа, 1970. 176 с.
17. Bally Ch. Linguistique générale et linguistique française. Bern: Francke, 1950. 416 p.
18. Гак В.Г. К проблеме семантической синтагматики // Проблемы структурной лингвистики. М.: Изд-во АН СССР, 1972. С. 367–395.
19. Гаврилова Г.Ф. Русское сложное предложение. Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2010. 224 с.
20. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1959. 670 p.
21. Zhigalin N.S. *Otritsanie v strukturnoy organizatsii slozhnopodchinennogo predlozheniya*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Negation in structure organization of complex sentence]. Moscow, 1972. 24 p.
22. Gulyga E.B. On interaction of sense and syntactic semantics of sentence. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady Vysshey shkoly*, 1976, no. 1, pp. 67–75.
23. Gavrilova G.F. *Predlozhenie i tekst: sistemnost' i funktsionalnost'* [Sentence and text: systematic approach and functionality]. Rostov-on-Don, Yunibuk Publ., 2015. 412 p.
24. Ragozina I.F. Counterfactual explication in an irreal conditional sentence (with reference to Russian and French). *Voprosy yazykoznaniya*, 2010, no. 1, pp. 46–60.
25. Cheremisina M.I. *Teoreticheskie problemy sintaksisa i leksikologii yazykov raznykh sistem* [Theoretical issues of syntax and lexicology of languages of various systems]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2004. 896 p.
26. *Russkaya grammatika. T. 2. Sintaksis* [Russian grammar. Vol. 2. Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 709 p.
27. Kovtunencko I.V. The coordination and subordination phenomenon in Russian and French grammar. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 2014, no. 1, pp. 70–76.
28. Gak V.G. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 304 p.
29. Muradova L.A. *Grammatika frantsuzskogo yazyka* [Grammar of the French language]. Moscow, Ayrispress Publ., 1997. 246 p.
30. Gak V.G., Royzenblit E.B. *Ocherki po sopostavitelnomu izucheniyu frantsuzskogo i russkogo yazykov* [Reviews on comparative study of French and Russian languages]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1965. 377 p.
31. Ivashova M.S. Expression modes of comparative meaning (Russian language in comparison with French). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika*, 2008, no. 3, pp. 77–83.
32. Mauger G. *Prakticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Grammaire pratique du français d'aujourd'hui. Langue parlée. Langue écrite]. St. Petersburg, Lan' Publ., 1996. 432 p.
33. Iliya L.I. *Grammatika frantsuzskogo yazyka* [Grammar of the French language]. 2nd ed. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1964. 304 p.
34. Iliya L.I. *Ocherki po grammatike sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Essays on grammar of modern French language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1970. 176 p.
35. Bally Ch. *Linguistique générale et linguistique française*. Bern, Francke, 1950. 416 p.
36. Gak V.G. To the issue of semantic syntagmatics. *Problemy strukturnoy lingvistiki*. Moscow, AN USSR Publ., 1972, pp. 367–395.
37. Gavrilova G.F. *Russkoe slozhnoe predlozhenie* [Russian complex sentence]. Rostov-on-Don, AkademLit Publ., 2010. 224 p.
38. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. Paris, Klincksieck, 1959. 670 p.

REFERENCES

1. Filin F.P., ed. *Russkiy yazyk: entsiklopediya* [Russian language: encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1979. 432 p.
2. Barnetova V., Běličová-Křížková H., Leška O. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Praha, Akademia Publ., 1979. Vol. 2, 1093 p.

**THE CATEGORY OF NEGATION AND LINGUISTIC MEANS FOR ITS EXPRESSION
IN COMPLEX SENTENCE (A CASE STUDY OF RUSSIAN AND FRENCH LANGUAGES)**

© 2016

G.F. Gavrilova, Doctor of Sciences (Philology), Professor,
professor of Chair of Russian language of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
I.V. Kovtunencko, PhD (Philology), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Russian language of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication
Southern Federal University, Rostov-on-Don (Russia)

Keywords: syntactic level of language; negation; unreal modality; lexicalization linguistic means; complex sentence; structural-semantic and functional correlation and differentiation.

Abstract: This paper covers the issues of expression of negation category in the complex sentence in Russian and French grammars. The authors presented the traditional description of the negation category, in other words, it is considered only in the context of its lexical and grammatical expression with the help of the particle “not” or the word “no”. Usually, it is understood in such a narrow way while analyzing the complex sentence. The paper considers complex sentences of adverbial semantics that present more complete (in addition to the particle “not”) the interaction of negation category with the category of unreality when expressing it with the help of particle “would”. The existence of two particles “not” and “would” in a simple sentence is not only the expresser of the unreal modality but, at the same time, it expresses the negation semantics that neutralizes the action of negative particle “not”. The negation semantics can be sometimes expressed by the lexicalization linguistic means as well, such as “doubtful”, “I doubt”, “I am not sure” and so on. The authors show that such phenomena can be observed in French sentences as well. Therefore, we can speak about the structural-semantic and functional correlations and differentiations at the level of syntax in Russian and French languages that reflect the generality of syntactic relations in both languages. The analysis showed that the means of expression of the negation category semantics in a complex sentence differs from the means of its representation in a simple sentence. Based on the results of the study, it is possible to conclude that the significance of negation is such an extent that it usually acts a frequentative seme soldering the principal and the subordinate parts into integral whole – complex sentence, which is typical for both languages.